

- [Сэлинджер Джером](#)

○

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной
электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Сэлинджер Джером

Два рассказа

Джером Сэлинджер
Два рассказа
В лодке

Шел пятый час, и золотой осенний день уже клонился к вечеру. Сандра, кухарка, поглядела из окна в сторону озера и отошла, поджав губы, -- с полудня она проделывала это, должно быть, раз двадцать. На этот раз, отходя от окна, она в рассеянности развязала и вновь завязала на себе фартук, пытаясь затянуть его потуже, насколько позволяла ее необъятная талия. Приведя в порядок свое форменное одеяние, она вернулась к кухонному столу и уселась напротив миссис Снелл. Миссис Снелл уже покончила с уборкой и глажкой и, как обычно перед уходом, пила чай. Миссис Снелл была в шляпе. Это оригинальное сооружение из черного фетра она не снимала не только все минувшее лето, но три лета подряд -- в любую жару, при любых обстоятельствах, склоняясь над бесчисленными гладильными досками и орудуя бесчисленными пылесосами. Ярлык фирмы "Карнеги" еще держался на подкладке -- поблекший, но, смело можно сказать, непобежденный.

-- Больно надо мне из-за этого расстраиваться, -- наверно, уже в пятый или шестой раз объявляла Сандра не столько миссис Снелл, сколько самой себе. -- Так уж я решила. Не стану я расстраиваться!

-- И правильно, -- сказала миссис Снелл. -- Я бы тоже не стала. Нипочем не стала бы. Передай-ка мне мою сумку, голубушка.

Кожаная сумка, до невозможности потертая, но с ярлыком внутри не менее внушительная, чем на подкладке шляпы, лежала в буфете. Сандра дотянулась до нее не вставая. Подала сумку через стол владелице, та открыла ее, достала пачку "ментоловых" сигарет и картонку спичек "Сторк-клуб". Закурила, потом поднесла к губам чашку, но сейчас же снова поставила ее на блюдо.

-- Да что это мой чай никак не остынет, я из-за него автобус пропущу. -- Она поглядела на Сандру, которая мрачно уставилась на сверкающую шеренгу кастрюль у стены. -- Брось ты расстраиваться! -- приказала миссис Снелл. -- Что толку расстраиваться? Или он ей скажет или не скажет. И все тут. А что толку расстраиваться?

-- Я и не расстраиваюсь, -- ответила Сандра. -- Даже и не думаю. Просто от этого ребенка с ума сойти можно, так и шныряет по всему дому. Да все тишком, его и не услышишь. Вот только на днях я лущила бобы -- и чуть не наступила ему на руку. Он сидел вон тут, под столом.

-- Ну и что? Не стала бы я расстраиваться.

-- То есть словечка сказать нельзя, все на него оглядывайся, -- пожаловалась Сандра. -- С ума сойти.

-- Не могу я пить кипяток, -- сказала миссис Снелл. -- Да, прямо ужас что такое. Когда словечка нельзя сказать, и вообще.

-- С ума сойти! Верно вам говорю. Прямо сума он меня сводит. -- Сандра смахнула с колен воображаемые крошки и сердито фыркнула: -- В четыре-то года!

-- И ведь хорошенький мальчонка, -- сказала миссис Снелл. -- Глазищи карие, и вообще.

Сандра снова фыркнула:

-- Нос-то у него будет отцовский. -- Она взяла свою чашку и стала пить, ничуть не обжигаясь. -- Уж и не знаю, чего это они вздумали торчать тут весь октябрь, -- проворчала она и отставила чашку. -- Никто из них больше и к воде-то не подходит, верно вам говорю.

Сама не купается, и мальчонка не купается. Никто теперь не купается. И даже на своей дурацкой лодке они больше не плавают. Только деньги задаром потратили.

-- И ка вы пьете такой кипяток? Я со своей чашкой никак не управлюсь.

Сандра злобно уставилась в стену.

-- Я бы хоть сейчас вернулась в город. Право слово. Терпеть не могу эту дыру. -- Она неприязненно взглянула на миссис Снелл. -- Вам-то ничего, вы круглый год тут живете. У вас тут и знакомства, и вообще. Вам все одно, что здесь, что в городе.

-- Хоть живьем сварюсь, а чай выпью, -- сказала миссис Снелл, поглядев на часы над электрической плитой.

-- А что бы вы сделали на моем месте? -- в упор спросила Сандра. -- Я говорю, вы бы что сделали? Скажите по правде.

Вот теперь миссис Снелл была в своей стихии. Она тотчас отставила чашку.

-- Ну, -- начала она, -- первым долгом я не стала бы расстраиваться. Уж я бы сразу стала искать другое...

-- А я и не расстраиваюсь, -- перебила Сандра.

-- Знаю, знаю, но уж я подыскала бы себе...

Распахнулась дверь, и в кухню вошла Бу-Бу Танненбаум, хозяйка дома. Была она лет двадцати пяти, маленькая, худощавая, как мальчишка; сухие, бесцветные, не по моде подстриженные волосы заложены назад, за чересчур большие уши. Весь наряд - черный свитер, брюки чуть ниже колен, носки да босоножки. Прозвище, конечно, нелепое, и хорошенькой ее тоже не назовешь, но такие вот живые, переменчивые рожицы не забываются, -- в своем роде она была просто чудо! Она сразу направилась к холодильнику, открыла его. Заглянула внутрь, расставив ноги, упершись руками в колени, и,

довольно немзыкально насвистывая сквозь зубы, легонько покачиваясь в такт свисту. Сандра и миссис Снелл молчали. Миссис Снелл неторопливо вынула сигарету изо рта.

-- Сандра...

-- Да, мэм? -- Сандра настороженно смотрела поверх шляпы миссис Снелл.

-- У вас разве нет больше пикулей? Я хотела ему отнести.

-- Он все съел, -- без запинки доложила Сандра. -- Вчера перед сном съел. Там только две штучки и оставались.

-- А-а. Ладно, буду на станции -- куплю еще. Я думала, может быть удастся выманить его из лодки. -- Бу-Бу захлопнула дверцу холодильника, отошла к окну и посмотрела в сторону озера. -- Нужно еще что-нибудь купить? -- спросила она, глядя в окно.

-- Только хлеба.

-- Я положила вам чек на столик в прихожей, миссис Снелл. Благодарю вас.

-- Очень приятно, -- сказала миссис Снелл. -- Говорят, Лайонел сбежал из дому. -- Она хихикнула.

-- Похоже, что так, -- сказала Бу-Бу и сунула руки в карманы.

-- Далеко-то он не бежит. -- И миссис Снелл опять хихикнула.

Не отходя от окна, Бу-Бу слегка повернулась, так чтоб не стоять совсем уж спиной к женщинам за столом.

-- Да, -- сказала она. Заправила за ухо прядь волос и продолжала: -- он удирает из дому с двух лет. Но пока не очень далеко. Самое дальнее -- в городе по крайней мере -- он забрел раз на Мэлл в Центральном парке. За два квартала от нашего дома. А самое ближнее -- просто спрятался в парадном. Там и застрял -- хотел попрощаться с отцом.

Женщины у стола засмеялись.

-- Мэлл -- это такое место в Нью-Йорке, там все катаются на коньках, -- любезно пояснила Сандра, наклоняясь к миссис Снелл. -- Детишки, и вообще.

-- А-а, -- сказала миссис Снелл.

-- Ему только-только исполнилось три. Как раз в прошлом году, -- сказала Бу-Бу, доставая из кармана брюк сигареты и спички. Пока она закуривала, обе женщины не сводили с нее глаз. -- Вот был переполох! Пришлось поднять на ноги всю полицию.

-- И нашли его? -- спросила миссис Снелл.

-- Ясно, нашли, -- презрительно сказала Сандра. -- А вы как думали?

-- Нашли его уже ночью, в двенадцатом часу, а дело было... когда же это... да, в середине февраля. В парке ни детей, никого не осталось. Разве что, может быть, бандиты, бродяги да какие-нибудь чокнутые. Он сидел на эстраде, где днем играет оркестр, и катал камешек взад-вперед по щели в полу. Замерз до полусмерти, и уж вид у него был...

-- Боже милостивый! -- сказала миссис Снелл. -- И с чего это он? То есть, я говорю, чего это он из дому бегаёт?

Бу-Бу пустила кривое колечко дыма, и оно расплылось по оконному стеклу.

-- В тот день в парке кто-то из детей ни с того ни с сего обозвал его вонючкой. По крайней мере, мы думаем, что дело в этом. Право, не знаю, миссис Снелл. Сама не понимаю.

-- И давно это с ним? -- спросила миссис Снелл. -- То есть, я говорю, давно это с ним?

-- Да вот, когда ему было два с половиной, он спрятался под раковиной в подвале, -- обстоятельно ответила Бу-Бу. -- Мы живем в большом доме, а в подвале прачечная. Какая-то Наоми, его подружка, сказала ему, что у нее в термосе сидит червяк. По

крайней мере, мы больше ничего от него не добились. -- Бу-Бу вздохнула и отошла от окна, на кончике ее сигареты вырос пепел. Она шагнула к двери. -- Попробую еще раз, -- сказала она на прощанье.

Сандра и миссис Снелл засмеялись.

-- Поторапливайтесь, Милдред, -- все еще смеясь, сказала Сандра миссис Снелл. -- А то автобус прозевааете.

Бу-Бу затворила за собой забранную провололочной сеткой дверь.

Она стояла на лужайке, которая отлого спускалась к озеру; низкое предвечернее солнце светило ей в спину. Ядрах в двухстах впереди на корме отцовского бота сидел ее сын Лайонел. Паруса были сняты, бот покачивался на привязи под прямым углом к мосткам, у самого их конца. Футах в пяти-десяти за ним плавала забытая или заброшенная водная лыжа, но нигде не видно было катающихся; лишь вдалеке уходил к Парусной бухте пассажирский катер. Почему-то Бу-Бу никак не удавалось толком разглядеть Лайонела. Солнце хоть и не очень грело, но светило так ярко, что издали все -- и мальчик, и лодка -- казалось смутным, расплывчатым, как очертания палки в воде. Спустя минуточку-другую Бу-Бу перестала всматриваться. Смяла сигарету, отшвырнула ее и зашагала к мосткам.

Стоял октябрь, и доски уже дышали жаром в лицо. Бу-Бу шла по мосткам, насвистывая сквозь зубы "Малютку из Кентукки". Дошла до конца мостков, присела на корточки с самого края и посмотрела на сына. До него можно было бы дотянуться веслом. Он не поднял глаз.

-- Эй, на борту! -- позвала Бу-Бу. -- Эй, друг! Пират! Старый пес! А вот и я!

Лайонел все не поднимал глаз, но ему вдруг понадобилось показать, какой он искусный моряк. Он перекинул незакрепленный румпель до отказа вправо и

сейчас же снова прижал его к боку. Но не отрывал глаз от палубы.

-- Это я, -- сказала Бу-Бу. -- Вице-адмирал Танненбаум. Урожденная Гласс. Прибыл проверить стермафоры.

-- Ты не адмирал, -- слышалось в ответ. -- Ты женщина.

Когда Лайонел говорил, ему почти всегда посреди фразы не хватало дыхания, и самое важное слово подчас звучало не громче, а тише других. Бу-Бу, казалось, не просто вслушивалась, но и сторожко ловила каждый звук.

-- Кто тебе сказал? -- спросила она. -- Кто сказал тебе, что я не адмирал?

Лайонел что-то ответил, но совсем уж неслышно.

-- Что? -- переспросила Бу-Бу.

-- Папа.

Бу-Бу все еще сидела на корточках, расставленные коленки торчали углами; левой рукой она коснулась дощатого настила: не так-то просто было сохранять равновесие.

-- Твой папа славный малый, -- сказала она. -- Только он, должно быть, самая сухопутная крыса на свете. Совершенно верно, на суше я женщина, это чистая правда. Но истинное мое призвание было, есть и будет...

-- Ты не адмирал, -- сказал Лайонел.

-- Как вы сказали?

-- Ты не адмирал. Ты все равно женщина.

Разговор прервался. Лайонел снова стал менять курс своего судна, он схватился за румпель обеими руками. На нем были шорты цвета хаки и чистая белая рубашка с короткими рукавами и открытым воротом; впереди на рубашке рисунок: страус Джером играет на скрипке. Мальчик сильно загорел, и его волосы, совсем такие же, как у матери, на макушке заметно выцвели.

-- Очень многие думают, что я не адмирал, -- сказала Бу-Бу, приглядываясь к сыну. -- Потому что я не ору об этом на всех перекрестках. -- Стараясь не потерять равновесия, она вытащила из кармана сигареты и спички. -- Мне и неохота толковать с людьми про то, в каком я чине. Да еще с маленькими мальчиками, которые даже не смотрят на меня, когда я с ними разговариваю. За это, пожалуй, еще с флота выгонят с позором.

Так и не закурив, она неожиданно встала, выпрямилась во весь рост, сомкнула кольцом большой и указательный пальцы правой руки и, поднеся их к губам, точно игрушечную трубу, продудела что-то вроде сигнала. Лайонел вскинул голову. Вероятно, он знал, что сигнал не настоящий, и все-таки весь встрепелся, даже рот приоткрыл. Три раза кряду без перерыва Бу-Бу протрубила сигнал -- нечто среднее между утренней и вечерней зорей. Потом торжественно отдала честь дальнему берегу. И когда наконец опять с сожалением присела на корточки на краю мостков, по лицу ее видно было, что ее до глубины души взволновал благородный обычай, недоступный простым смертным и маленьким мальчикам. Она задумчиво созерцала воображаемую даль озера, потом словно бы вспомнила, что она здесь не одна. И важно поглядела вниз, на Лайонела, который все еще сидел, раскрыв рот.

-- Это тайный сигнал, слышать его разрешается одним только адмиралам. -- Она закурила и, выпустив длинную тонкую струю дыма, задула спичку. -- Если бы кто-нибудь узнал, что я дала этот сигнал при тебе... -- Она покачала головой. И снова зорким глазом морского волка окинула горизонт.

-- Потруби еще.

-- Не положено.

-- Почему?

Бу-Бу пожала плечами.

-- Тут вертится слишком много всяких мичманов, это раз. -Она переменила позу и уселась, скрестив ноги, как индеец. Подтянула носки. И продолжала деловито: -- Ну, вот что. Скажи, почему ты убегаешь из дому, и я протрублю тебе все тайные сигналы, какие мне известны. Ладно?

Лайонел тотчас опустил глаза.

-- Нет, -- сказал он.

-- Почему?

-- Потому.

-- Почему "потому"?

-- Потому что не хочу, -- сказал Лайонел и решительно перевел руль.

Бу-Бу заслонила правой рукой от солнца, ее слепило.

-- Ты мне говорил, что больше не будешь удирать из дому, -- сказала она. -- Мы ведь об этом говорили, и ты сказал, что не будешь. Ты мне обещал.

Лайонел что-то сказал в ответ, но слишком тихо.

-- Что? -- переспросила Бу-Бу.

-- Я не обещал.

-- Нет, обещал. Ты дал слово.

Лайонел опять принялся работать рулем.

-- Если ты адмирал, -- сказал он, -- где же твой флот?

-- Мой флот? Вот хорошо, что ты об этом спросил, -сказала Бу-Бу и хотела спуститься в лодку.

-- Назад! -- приказал Лайонел, но голос его звучал не очень уверенно и глаз он не поднял. -- Сюда никому нельзя.

-- Нельзя? -- Бу-Бу, которая уже ступила на нос лодки, послушно отдернула ногу. -- Совсем никому нельзя? -- Она снова уселась на мостках по-индейски. -- А почему?

Лайонел что-то ответил, но опять слишком тихо.

-- Что? -- переспросила Бу-Бу.

-- Потому что не разрешается.

Долгую минуту Бу-Бу молча смотрела на мальчика.

-- Мне очень грустно это слышать, -- сказала она наконец. -- Мне так хотелось к тебе в лодку. Я по тебе соскучилась. Очень сильно соскучилась. Целый день я сидела в доме совсем одна, не с кем было поговорить.

Лайонел не повернул руль. Он разглядывал какую-то щербинку на рукоятке.

-- Поговорила бы с Сандрой, -- сказал он.

-- Сандра занята, -- сказала Бу-Бу. -- И не хочу я разговаривать с Сандрой, хочу с тобой. Хочу сесть к тебе в лодку и разговаривать с тобой.

-- Говори с мостков.

-- Что?

-- Говори с мостков!

-- Не могу. Очень далеко. Мне надо подойти поближе.

Лайонел рванул румпель.

-- На борт никому нельзя, -- сказал он.

-- Что?

-- На борт никому нельзя!

-- Ладно, тогда, может, скажешь, почему ты сбежал из дому? -- спросила Бу-Бу. -- Ты ведь мне обещал больше не бегать.

На корме лежала маска аквалангиста. Вместо ответа Лайонел подцепил ее пальцами правой ноги и ловким, быстрым движением швырнул за борт. Маска тотчас ушла под воду.

-- Мило, -- сказала Бу-Бу. -- Дельно. Это маска дяди Уэбба. Он будет в восторге. -- Она затянулась сигаретой. -- Раньше в ней нырял дядя Симор.

-- Ну и пусть.

-- Ясно. Я так и поняла, -- сказала Бу-Бу.

Сигарета торчала у нее в пальцах как-то вкривь. Внезапно почувствовав ожог, Бу-Бу уронила ее в воду. Потом вытащила что-то из кармана. Это был белый

пакетик величиной с колоду карт, перевязанный зеленой ленточкой.

-- Цепочка для ключей, -- сказала Бу-Бу, чувствуя на себе взгляд Лайонела. -- Точь-в-точь такая же, как у папы. Только на ней куда больше ключей, чем у папы. Целых десять штук.

Лайонел подался вперед, выпустив руль. Подставил ладони чашкой.

-- Кинь! -- попросил он, -- Пожалуйста!

-- Одну минуту, милый. Мне надо немножко подумать. Следовало бы кинуть эту цепочку в воду.

Сын смотрел на нее, раскрыв рот. Потом закрыл рот.

-- Это моя цепочка, -- сказал он не слишком уверенно.

Бу-Бу, глядя на него, пожала плечами:

-- Ну и пусть.

Не спуская глаз с матери, Лайонел медленно отодвинулся на прежнее место и стал нащупывать за спиной румпель. По глазам его видно было: он все понял. Мать так и знала, что он поймет.

-- Держи! -- Она бросила пакетик ему на колени. И не промахнулась.

Лайонел поглядел на пакетик, взял в руку, еще поглядел -и внезапно швырнул его в воду. И сейчас же поднял глаза на Бу-Бу -- в глазах был не вызов, но слезы. Еще мгновение -- и губы его искривились опрокинутой восьмеркой, и он отчаянно заревел.

Бу-Бу встала -- осторожно, будто в театре отсидела ногу -и спустилась в лодку. Через минуту она уже сидела на корме, держа рулевого на коленях, и укачивала его, и целовала в затылок, и сообщала кое-какие полезные сведения:

-- Моряки не плачут, дружок. Моряки никогда не плачут. Только если их корабль пошел ко дну. Или если они потерпели крушение, и их носит на плоту, и им нечего пить, и...

-- Сандра... сказала миссис Снелл... что наш папа... большой... грязный... иуда...

Ее передернуло. Она спустила мальчика с колен, поставила перед собой и откинула волосы у него со лба.

-- Сандра так и сказала, да?

Лайонел изо всех сил закивал головой. Он придвинулся ближе, все не переставая плакать, и встал у нее между колен.

-- Ну, это еще не так страшно, -- сказала Бу-Бу, стиснула сына коленями и крепко обняла. -- Это еще не самая большая беда. -- Она легонько куснула его ухо. -- А ты знаешь, что такое иуда, малыш?

Лайонел ответил не сразу -- то ли не мог говорить, то ли не хотел. Он молчал, вздрагивая и всхлипывая, пока слезы не утихли немного. И только тогда, уткнувшись в теплую шею Бу-Бу, выговорил глухо, но внятно:

-- Чуда-юда... это в сказке... такая рыба-кит...

Бу-Бу легонько оттолкнула сына, чтобы поглядеть на него. И вдруг сунула руку сзади ему за пояс -- он даже испугался, -- но не шлепнула его, не ущипнула, а только старательно заправила ему рубашку.

-- Вот что, -- сказала она. -- Сейчас мы поедем в город, и купим пикулей и хлеба, и перекусим прямо в машине, а потом поедем на станцию встречать папу, и привезем его домой, и пускай он покатает нас на лодке. И ты поможешь ему отнести паруса. Ладно?

-- Ладно, -- сказал Лайонел.

К дому они не шли, а бежали на перегонки. Лайонел прибежал первым.

И эти губы, и глаза зеленые

Когда зазвонил телефон, седовласый мужчина не без уважительности спросил молодую женщину, снять ли трубку -может быть, ей это будет неприятно? Она повернулась к нему и слушала словно издалека, крепко зажмурив один глаз от света; другой глаз оставался в

тени -- широко раскрытый, но отнюдь не наивный и уж до того темно-голубой, что казался фиолетовым. Седовласый просил поторопиться с ответом, и женщина приподнялась -- неспешно, только-только что не равнодушно -- и оперлась на правый локоть.левой рукой отвела волосы со лба.

-- О господи, -- сказала она. -- Не знаю. А по-твоему как быть?

Седовласый ответил, что, по его мнению, снять ли трубку, нет ли, один черт, пальцы левой руки протиснулись над локтем, на который опиралась женщина, между ее теплой рукой и боком, поползли выше. Правой рукой он потянулся к телефону. Чтобы снять трубку наверняка, а не искать на ощупь, надо было приподняться, и затылком он задел край абажура. В эту минуту его седые, почти совсем белые волосы были освещены особенно выгодно, хотя, может быть, и чересчур ярко. Они слегка растрепались, но видно было, что их недавно подстригли -вернее, подровняли. На висках и на шее они, как полагается, были короткие, вообще же гораздо длиннее, чем принято, пожалуй даже, на "аристократический" манер.

-- Да? -- звучным голосом сказал он в трубку.

Молодая женщина, по-прежнему опершись на локоть, следила за ним. В ее широко раскрытых глазах не отражалось ни тревоги, ни раздумья, только и видно было, какие они большие и темно-голубые.

В трубке раздался мужской голос -- безжизненный и в то же время странно напористый, почти до неприличия взбудораженный:

-- Ли? Я тебя разбудил?

Седовласый бросил быстрый взгляд влево, на молодую женщину.

-- Кто это? -- спросил он. -- Ты, Артур?

-- Да, я. Я тебя разбудил?

-- Нет-нет. Я лежу и читаю. Что-нибудь случилось?

-- Правда я тебя не разбудил? Честное слово?

-- Да нет же, -- сказал седовласый. -- Вообще говоря, я уже привык спать каких-нибудь четыре часа...

-- Я вот почему звоню, Ли: ты случайно не видал, когда уехала Джоана? Ты случайно не видал, она не с Эленбогенами уехала?

Седовласый опять поглядел влево, но на этот раз не на женщину, которая теперь следила за ним, точно молодой голубоглазый ирландец-полицейский, а выше, поверх ее головы.

-- Нет, Артур, не видал, -- сказал он, глядя в дальний неосвещенный угол комнаты, туда, где стена сходилась с потолком. -- А разве она не с тобой уехала?

-- Нет, черт возьми. Нет. Значит, ты не видал, как она уехала?

-- Да нет, по правде говоря, не заметил. Понимаешь, Артур, по правде говоря, я вообще сегодня за весь вечер ни черта не видел. Не успел я переступить порог, как в меня намертво вцепился этот болван -- то ли француз, то ли австриец, черт его разберет. Все эти паршивые иностранцы только и ждут, как бы вытянуть из юриста даровой совет. А что? Что случилось? Джоанна потерялась?

-- О черт. Кто ее знает. Я не знаю. Ты же знаешь, какова она, когда налается и ей не сидится на месте. Ничего я не знаю. Может быть, она просто...

-- А Эленбогенам ты звонил? -- спросил седовласый.

-- Звонил. Они еще не вернулись. Ничего я не знаю. Черт, я даже не уверен, что она уехала с ними. Знаю только одно. Только одно, черт подери. Не стану я больше ломать себе голову. Хватит с меня. На этот раз я твердо решил. С меня хватит. Пять лет. Черт подери.

-- Послушай, Артур, не надо так волноваться, -- сказал седовласый. -- Во-первых, насколько я знаю Эленбогенов, они наверняка взяли такси, прихватили

Джоанну и махнули на часок-другой в Гринвич-Вилледж. Скорее всего, они все трое сейчас ввалятся...

-- У меня такое чувство, что она развлекается там на кухне с каким-нибудь сукиным сыном. Такое у меня чувство. Она, когда налакается, всегда бежит на кухню и вешается на шею какому-нибудь сукиному сыну. Хватит с меня. Клянусь богом, на этот раз я твердо решил. Пять лет, черт меня...

-- Ты откуда звонишь? -- спросил седовласый. -- Из дому?

-- Вот-вот. Из дому. Мой дом, мой милый дом. О черт.

-- Слушай, не надо так волноваться... Ты что... ты пьян, что ли?

-- Не знаю. Почему я знаю, будь оно все проклято.

-- Ну погоди, ты вот что. Ты успокойся. Ты только успокойся, -- сказал седовласый. -- Господи, ты же знаешь Эленбогенов. Скорей всего, они просто опоздали на последний поезд. Скорей всего, они с Джоанной в любую минуту ввалятся к тебе с пьяными шуточками и...

-- Они поехали домой.

-- Откуда ты знаешь?

-- От девицы, на которую они оставили детей. Мы с ней вели весьма приятную светскую беседу. Мы с ней закадычные друзья, черт подери. Нас водой не разольешь.

-- Ну, ладно. Ладно. Что из этого? Может, ты все-таки возьмешь себя в руки и успокоишься? -- сказал седовласый. -- Наверно, они все прискачут с минуты на минуту. Можешь мне поверить. Ты же знаешь Леону. Уж не знаю, что это за чертовщина, но, когда они попадают в Нью-Йорк, всех их сразу одолевает это самое коннектикутское веселье, будь оно неладно. Ты же сам знаешь.

-- Да, да. Знаю. Знаю. А, ничего я не знаю.

-- Ну, конечно, знаешь. Попробуй представить себе, как было дело. Эти двое, наверно, просто силком затащили Джоанну...

-- Слушай. Ее сроду никому никуда не приходилось тащить силком. И не втирай мне очки, что ее кто-то там затащил.

-- Никто тебе очки не втирает, -- спокойно сказал седовласый.

-- Знаю, знаю! Извини. О черт, я с ума схожу. Нет, я правда тебя не разбудил? Честное слово?

-- Если б разбудил, я бы так и сказал, -- ответил седовласый. Он рассеянно выпустил руку женщины. -- Вот что, Артур. Может, послушаешься моего совета? -- Свободной рукой он взялся за провод под самой трубкой. -- Я тебе серьезно говорю. Хочешь выслушать дельный совет?

-- Д-да. Не знаю. А, черт, я тебе спать не даю. И почему я просто не перережу себе...

-- Послушай меня, -- сказал седовласый. -- Первым делом, это я тебе серьезно говорю, ложись в постель и отдохни. Опрокинь стаканчик чего-нибудь покрепче на сон грядущий, укройся...

-- Стаканчик? Ты что, шутишь? Да я, черт подери, за последние два часа, наверно, больше литра вылакал. Стаканчик! Я уже до того допился, что сил нет...

-- Ну ладно, ладно. Тогда ложись в постель, -- сказал седовласый. -- И отдохни, слышишь? Подумай, ну что толку вот так сидеть и мучиться?

-- Да, да, понимаю. Я бы и не волновался, ей-богу, но ведь ей нельзя доверять! Вот клянусь тебе. Клянусь, ей ни на волос нельзя доверять. Только отвернешься, и... А-а, что говорить... Проклятье, я сума схожу.

-- Ладно. Не думай об этом. Не думай. Может ты сделать мне такое одолжение? -- сказал седовласый. -- Попробуй-ка выкинуть все это из головы. Похоже, ты... честное слово, по-моему, ты делаешь из мух и...

-- А знаешь, чем я занимаюсь? Знаешь, чем я занимаюсь?! Мне очень совестно, но сказать тебе, чем я, черт подери, занимаюсь каждый вечер, когда прихожу домой? Сказать?

-- Артур, послушай, все это не...

-- Нет, погоди. Вот я тебе сейчас скажу, будь оно все проклято. Мне просто приходится держать себя за шиворот, чтоб не заглянуть в каждый стенной шкаф, сколько их есть в квартире -- клянусь! Каждый вечер, когда я прихожу домой, я так и жду, что по углам прячется целая орава сукиных сынов. Какие-нибудь лифтеры! Рассыльные! Полицейские!..

-- Ну, ладно. Ладно, Артур. Попробуй немного успокоиться, -- сказал седовласый. Он бросил быстрый взгляд направо: там на краю пепельницы лежала сигарета, которую закурили раньше, до телефонного звонка. Впрочем, она уже погасла, и он не соблазнился ею. -- Прежде всего, -- продолжал он в трубку, -- я тебе сто раз говорил, Артур: вот тут-то ты и совершаешь самую большую ошибку. Ты понимаешь, что делаешь? Сказать тебе? Ты как нарочно -- я серьезно говорю, -- ты просто как нарочно себя растравляешь. В сущности, ты сам внушаешь Джоанне... -- Он оборвал себя на полуслове. -- Твое счастье, что она молодец девочка. Серьезно тебе говорю. А по-твоему, у нее так мало вкуса, да и ума, если уж на то пошло...

-- Ума! Да ты шутишь? Какой там у нее, к черту, ум! Она просто животное!

Седовласый раздул ноздри, словно ему вдруг не хватило воздуха.

-- Все мы животные, -- сказал он. -- По самой сути все мы -- животные.

-- Черта с два. Никакое я не животное. Я, может быть, болван, бестолочь, гнусное порождение двадцатого века, но я не животное. Ты мне этого не говори. Я не животное.

-- Послушай, Артур. Так мы ни до чего не...

-- Ума захотел. Господи, знал бы ты, до чего это смешно. Она-то воображает, будто она ужасная интеллектуалка. Вот где смех, вот где комедия. Читает в газете театральные новости и смотрит телевизор, покуда глаза на лоб не полезут, значит, интеллектуалка. Знаешь, кто у меня жена? Нет, ты хочешь знать, кто такая моя жена? Величайшая артистка, писательница, психоаналитик и вообще величайший гений во всем Нью-Йорке, только еще не проявившийся, не открытый и не признанный. А ты и не знал? О черт, до чего смешно, прямо охота перерезать себе глотку. Мадам Бовари, вольнослушательница курсов при Колумбийском университете. Мадам...

-- Кто? -- досадливо переспросил седовласый.

-- Мадам Бовари, слушательница лекций на тему "Что нам дает телевидение". Господи, знал бы ты...

-- Ну ладно, ладно. Не стоит толочь воду в ступе, -сказал седовласый. Повернулся и, поднеся два пальца к губам, сделал женщине знак, что хочет закурить. -- Прежде всего, -сказал он в трубку, -- черт тебя разберет, умный ты человек, а такта ни на грош. -- Он приподнялся, чтобы женщина могла за его спиной дотянуться до сигарет. -- Серьезно тебе говорю. Это сказывается и на твоей личной жизни, и на твоей...

-- Ума захотел! Фу, помереть можно! Боже милостивый! А ты хоть раз слышал, как она про кого-нибудь рассказывает, про какого-нибудь мужчину? Вот выпадет у тебя минутка свободная, сделай одолжение, попроси, чтобы она тебе описала кого-нибудь из своих знаковых. Про каждого мужчину, который попадает ей на глаза, она говорит одно и то же: "Ужасно симпатичный". Пусть он будет распоследний, жирный, безмозглый, старый...

-- Хватит, Артур, -- резко перебил седовласый. -- Все это ни к чему. Совершенно ни к чему. -- Он взял у

женщины зажженную сигарету. Она тоже закурила. -- Да, кстати, -- сказал он, выпуская дым из ноздрей, -- а как твои сегодняшние успехи?

-- Что?

-- Как твои сегодняшние успехи? Выиграл дело?

-- Фу, черт! Не знаю. Скверно. Я уже собирался начать заключительную речь, и вдруг этот Лисберг, адвокат истца, вытащил откуда-то дуру горничную с целой кучей простынь в качестве вещественного доказательства, а простыни все в пятнах от клопов. Брр!

-- И чем же кончилось? Ты проиграл? -- спросил седовласый и опять глубоко затянулся.

-- А ты знаешь, кто сегодня судил? Эта старая баба Витторио. Черт его разберет, почему у него против меня зуб. Я и слова сказать не успел, а он уже на меня накинулся. С таким не сговоришь, никаких доводов не слушает.

Седовласый повернул голову и посмотрел, что делает женщина. Она взяла со столика пепельницу и поставила между ними.

-- Так ты проиграл, что ли? -- спросил он в трубку.

-- Что?

-- Я спрашиваю, дело ты проиграл?

-- Ну да. Я еще на вечере хотел тебе рассказать. Только не успел в этой суматохе. Как по-твоему, шеф полезет на стену? Мне-то плевать, но все-таки как по-твоему? Очень он взбесится?

Левой рукой седовласый стряхнул пепел на край пепельницы.

-- Не думаю, что шеф непременно полезет на стену, Артур, -- сказал он спокойно. -- Но, уж надо полагать, и не обрадуется. Знаешь, сколько времени мы заправляет этими тремя паршивыми гостиницами? Еще папаша нашего Шенли основал...

-- Знаю, знаю. Сынок мне рассказывал уже раз пятьдесят, не меньше. Отродясь не слыхивал ничего увлекательнее. Так вот, я проиграл это треклятое дело. Во-первых, я не виноват. Чертов псих Витторио с самого начала травил меня, как зайца. Потом безмозглая дура горничная вытащила эти простыни с клопами...

-- Никто тебя не винит, Артур, -- сказал седовласый. -- Ты хотел знать мое мнение -- очень ли обозлится шеф. Вот я и сказал тебе откровенно...

-- Да знаю я, знаю... Ничего я не знаю. Кой черт! В крайнем случае могу опять податься в военные. Я тебе говорил?

Седовласый опять повернулся к женщине -- может быть, хотел показать, как терпеливо, даже стоически он все это выслушивает. Но она не увидела его лица. Она нечаянно опрокинула коленом пепельницу и теперь поспешно собирала пепел в кучку; она подняла глаза секундой позже, чем следовало.

-- Нет, Артур, ты мне об этом не говорил, -- сказал седовласый в трубку.

-- Ну да. Могу вернуться в армию. Еще сам не знаю. Понятно, я вовсе этого не жажду и не пойду на это, если сумею выкрутиться по-другому. Но, может быть, все-таки придется. Не знаю. По крайней мере, можно будет забыть обо всем на свете. Если мне опять дадут тропический шлем, и большущий письменный стол, и хорошую сетку от moskitov, может быть, это будет не так уж...

-- Вот что, друг, хотел бы я вправить тебе мозги, -- сказал седовласый. -- Очень бы я этого хотел. Ты до черта... Ты ведь вроде неглупый малый, а несешь какой-то младенческий вздор. Я тебе это от души говорю. Из пустяка раздуваешь невесть что...

-- Мне надо от нее уйти. Понятно? Еще прошлым летом надо было все кончить, тогда был такой разговор

-- ты это знаешь? А знаешь, почему я с нею не порвал? Сказать тебе?

-- Артур. Ради всего святого. Этот наш разговор совершенно ни к чему.

-- Нет, погоди. Ты слушай. Сказать тебе, почему я с ней не порвал? Так вот, слушай. Потому что мне жалко ее стало. Чистую правду тебе говорю. Мне стало ее жалко.

-- Ну, не знаю. То есть, я хочу сказать, тут не мне судить, -- сказал седовласый. -- Только, мне кажется, ты забываешь одно: ведь Джоанна взрослая женщина. Я, конечно, не знаю, но мне кажется...

-- Взрослая женщина! Да ты спятил! Она взрослый ребенок, вот она кто! Послушай, вот я бреюсь -- нет, ты только послушай, -- бреюсь, и вдруг здрасьте, она зовет меня через всю квартиру. Я недобрит, морда вся в мыле, иду посмотреть, что у нее там стряслось. И знаешь, зачем она меня звала? Хотела спросить, как по-моему, умная она или нет. Вот честное слово! Говорю тебе, она жалкое существо. Сколько раз я смотрел на нее спящую, и я знаю, что говорю. Можешь мне поверить.

-- Ну, тебе виднее... я хочу сказать, тут не мне судить, -- сказал седовласый. -- Черт подери, вся беда в том, что та ничего не делаешь, чтобы исправить...

-- Мы не пара, вот и все. Коротко и ясно. Мы совершенно друг другу не подходим. Знаешь, что ей нужно? Ей нужен какой-нибудь здоровенный сукин сын, который вообще не станет с ней разговаривать, -- вот такой нет-нет да и даст ей жару, доведет до полнейшего бесчувствия -- и пойдет преспокойно дочитывать газету. Вот что ей нужно. Слаб я для нее, по всем статьям слаб. Я знал, еще когда мы только поженились, клянусь богом, знал. Вот ты хитрый черт, ты так и не женился, но понимаешь, перед тем как люди женятся, у них иногда бывает вроде озарения: вот, мол, какая будет моя семейная жизнь. А я от этого

отмахнулся. Отмахнулся от всяких озарений и предчувствий, черт дери. Я слабый человек. Вот тебе и все.

-- Ты не слабый. Только надо шевелить мозгами, -- сказал седовласый и взял у молодой женщины зажженную сигарету.

-- Конечно, я слабый! Конечно, слабый! А, дьявольщина, я сам знаю, слабый я или нет! Не будь я слабый человек, неужели, по-твоему, я бы допустил, чтобы все так... А-а, что об этом говорить! Конечно, я слаб... Господи боже, я тебе всю ночь спать не даю. И какого дьявола ты не повесишь трубку? Я серьезно говорю. Повесь трубку, и все.

-- Я вовсе не собираюсь вешать трубку, Артур. Я хотел бы тебе помочь, если это в человеческих силах, -- сказала седовласый. -- Право же, ты сам себе худший...

-- Она меня не уважает. Господи боже, да она меня и не любит. А в сущности, в самом последнем счете и я тоже больше ее не люблю. Не знаю. И люблю, и не люблю. Всяко бывает. То так, то эдак. О черт! Каждый раз, как я твердо решаю положить этому конец, вдруг почему-то оказывается, что мы приглашены куда-то на обед, и я должен где-то ее встретить, и она является в белых перчатках, или еще в чем-нибудь таком... Не знаю. Или я начинаю вспоминать, как мы с ней в первый раз поехали в Нью-Хейвен на матч принстонцев с йельцами. И только выехали, спустила шина, а холод был собачий, и она светила мне фонариком, пока я накачивал эту треклятую шину... ты понимаешь, что я хочу сказать. Не знаю. Или вспомнится... черт, даже неловко... вспомнятся дурацкие стихи, которые я ей написал, когда у нас только-только все начиналось. "Чуть розовеющая и лилейная, и эти губы, и глаза зеленые..." Черт, даже неловко... Эти строчки всегда напоминали мне о ней. Глаза у нее не зеленые... у нее глаза как эти проклятые морские раковины, чтоб им...

но все равно, мне вспоминается... не знаю. Что толку говорить? Я с ума схожу. И почему ты не повесишь трубку? Серьезно...

-- Я совсем не собираюсь вешать трубку, Артур. Тут только одно...

-- Как-то она купила мне костюм. На свои деньги. Я тебе не рассказывал?

-- Нет, я...

-- Вот так взяла и пошла к Триплеру, что ли, и купила мне костюм. Сама, без меня. О черт, я что хочу сказать, есть в ней что-то хорошее. И вот забавно, костюм пришелся почти впору. Надо было только чуть сузить в бедрах... брюки... да подкоротить. Черт, я хочу сказать, есть в ней что-то хорошее...

Седовласый послушал еще минуту. Потом резко обернулся к женщине. Он лишь мельком взглянул на нее, но она сразу поняла, что происходит на другом конце провода.

-- Ну-ну, Артур. Послушай, этим ведь не поможешь, -сказал он в трубку. -- Этим не поможешь. Серьезно. Ну, послушай. От души тебе говорю. Будь умницей, разденься и ложись в постель, ладно? И отдохни. Джоанна скорее всего через минуту явится. Ты же не хочешь, чтобы она застала тебя в таком виде, верно? И вместе с ней скорее всего ввалятся эти черти Эленбогены. Ты же не хочешь, чтобы вся эта шатия застала тебя в таком виде, верно? -- Он помолчал, вслушиваясь. -- Артур! Ты меня слышишь?

-- О господи, я тебе всю ночь спать не даю. Что бы я ни делал, я...

-- Ты мне вовсе не мешаешь, -- сказал седовласый. -- И нечего об этом думать. Я же тебе сказал, я теперь сплю часа четыре в сутки. Но я бы очень хотел тебе помочь, дружище, если только это в человеческих силах. -- Он помолчал. -- Артур! Ты слушаешь?

-- Ага. Слушай. Вот что. Все равно я тебе спать не даю. Можно я зайду к тебе и выпью стаканчик? Ты не против?

Седовласый выпрямился и свободной рукой взялся за голову.

-- Прямо сейчас? -- спросил он.

-- Ну да. То есть если ты не против. Я только на минутку. Просто мне хочется пойти куда-то и сесть, и... не знаю. Можно?

-- Да, отчего же. Но только, Артур, я думаю, не стоит, -сказал седовласый и опустил руку. -- То есть я буду очень рад, если ты придешь, но, уверяю тебя, сейчас ты должен взять себя в руки, и успокоиться, и дожждаться Джоанну. Уверяю тебя. Когда она прискачет домой, ты должен быть на месте и ждать ее. Разве я не прав?

-- Д-да. Не знаю. Честное слово, не знаю.

-- Зато я знаю, можешь мне поверить, -- сказал седовласый. -- Слушай, почему бы тебе сейчас не лечь в постель и не отдохнуть, а потом, если хочешь, позвони мне опять. То есть если тебе захочется поговорить. И не волнуйся ты! Это самое главное. Слышишь? Ну как, согласен?

-- Ладно.

Седовласый еще минуту прислушивался, потом опустил трубку на рычаг.

-- Что он сказал? -- тотчас спросила женщина.

Седовласый взял с пепельницы сигарету -- выбрал среди окурков выкуренную наполовину. Затянулся, потом сказал:

-- Он хотел прийти сюда и выпить.

-- О боже! А ты что?

-- Ты же слышала, -- сказал седовласый, глядя на женщину. -- Ты сама слышала. Разве ты не слыхала, что я ему говорил? -Он смял сигарету.

-- Ты был изумителен. Просто великолепен, -- сказала женщина, не сводя с него глаз. -- Боже мой, я чувствую себя ужасной дрянью.

-- Да-а, -- сказал седовласый. -- Положение не из легких. Уж не знаю, насколько я был великолепен.

-- Нет-нет. Ты был изумителен, -- сказала женщина. - А на меня такая слабость нашла. Просто ужасная слабость. Посмотри на меня.

Седовласый посмотрел.

-- Да, действительно, положение невозможное, -- сказал он. -- То есть все это настолько неправдоподобно...

-- Прости, милый, одну минутку, -- поспешно сказала женщина и перегнулась к нему. -- Мне показалось, ты горишь! -Быстрыми, легкими движениями она что-то смахнула с его руки. -Нет, ничего. Просто пепел. Но ты был великолепен. Боже мой, я чувствую себя настоящей дрянью.

-- Да, положение тяжелое. Он, видно в скверном...

Зазвонил телефон.

-- А черт! -- выругался седовласый, но тотчас снял трубку. -- Да?

-- Ли? Я тебя разбудил?

-- Нет, нет.

-- Слушай, я подумал, что тебе будет интересно. Сию минуту ввалилась Джоанна.

-- Что? -- переспросил седовласый и левой рукой заслонил глаза, хотя лампа светила не в лицо ему, а в затылок.

-- Ага. Вот только что ввалилась. Прошло, наверно, секунд десять, как мы с тобой кончили разговаривать. Вот я и решил тебе позвонить, пока она в уборной. Слушай, Ли, огромное тебе спасибо. Я серьезно -- ты знаешь, о чем я говорю. Я тебя не разбудил, нет?

-- Нет, нет. Я как раз... нет, нет, -- сказал седовласый, все еще заслоняя глаза рукой, и

откашлялся.

-- Ну вот. Получилось, видно, так: Леона здорово напилась и закатила истерику, и Боб упросил Джоанну поехать с ними еще куда-нибудь выпить, пока все не утрясется. Я-то не знаю. Тебе лучше знать. Все очень сложно. Ну и вот, она уже дома. Какая-то мышинная возня. Честное слово, это все подлый Нью-Йорк. Я вот что думаю: если все наладится, может, мы снимем домик где-нибудь в Коннектикуте. Не обязательно забираться уж очень далеко, но куда-нибудь, где можно жить по-людски, черт возьми. Понимаешь, у нее страсть -- цветы, кусты и всякое такое. Если бы ей свой садик и все такое, она, верно, с ума сойдет от радости. Понимаешь? Ведь в Нью-Йорке все наши знакомые -- кроме тебя, конечно, -- просто психи, понимаешь? От этого и нормальный человек рано или поздно поневоле спятит. Ты меня понимаешь?

Седовласый все не отвечал. Глаза его за щитком ладони были закрыты.

-- Словом, я хочу сегодня с нею об этом поговорить. Или, может быть, завтра утром. Она все еще немножко не в себе. Понимаешь, в сущности, она ужасно славная девочка, и если нам все-таки еще можно хоть как-то все наладить, глупо будет не попробовать. Да, кстати, я заодно попытаюсь уладить эту гнусную историю с клопами. Я уж кое-что надумал. Ли, как по-твоему, если мне прямо пойти к шефу и поговорить, могу я...

-- Извини, Артур, если ты не против, я бы...

-- Ты только не думай, я не потому тебе звоню, что беспокоюсь из-за моей дурацкой службы или что-нибудь в этом роде. Ничего подобного. В сущности, меня это мало трогает, черт подери. Просто я подумал, если бы удалось не слишком лезть вон из кожи и все-таки успокоить шефа, так дурак я буду...

-- Послушай, Артур, -- прервал седовласый, отнимая руку от лица, -- у меня вдруг зверски разболелась

голова. Черт ее знает, с чего это. Ты извинишь, если мы сейчас кончим? Потолкуем утром, ладно? -- Он слушал еще минуту, потом положил трубку.

Женщина тотчас начала что-то говорить, но он не ответил. Взял с пепельницы не докуренную ею сигарету и поднес было к губам, но уронил. Женщина хотела помочь ему отыскать сигарету -- еще прожжет что-нибудь, -- но он сказал, чтобы она, ради всего святого, сидела смирно, -- и она убрала руку.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)